

Цзян Хань отступила на два шага и, склонившись, ответила:

— Ваша дочь не смеет.

— Неужели? — протянула наложница Чжуан. Её голос звучал мягко, но гнев в глазах был очевиден. Она посмотрела на Цзян Хань и добавила:

— Подними голову.

Цзян Хань послушно подняла голову и увидела, как наложница Чжуан одной рукой поправляет пару изящных украшений в волосах, а другой улыбается с намёком:

— Этот набор украшений такой же, как у драгоценной наложницы Шу в день жертвоприношения на алтаре Неба.

Цзян Хань, не задумываясь, подхватила:

— На вас он выглядит ещё более потрясающе!

Наложница Чжуан улыбнулась и продолжила:

— Но её набор подарил Первый принц.

Цзян Хань почувствовала, как сердце ёкнуло, и, опустив голову, подумала: «Опять начинается...»

Наложница Чжуан вздохнула с ноткой сарказма и начала жаловаться:

— Мы обе — забытые наложницы, но я всегда удивлялась, как у драгоценной наложницы Шу такой шик? Я долго размышляла и, наконец, поняла: у неё есть сын, Первый принц, на которого можно опереться, а у меня...

Цзян Хань медленно закрыла глаза и, опустившись на одно колено, извинилась:

— Ваша дочь недостойна.

— Кто сказал, что ты недостойна! — резко повысила голос наложница Чжуан, ударив ладонью по столику, отчего чай расплескалась. Она закричала:

— Ты просто не умеешь пользоваться своей властью!

Цзян Хань, увидев, что мать высказалась прямо, на мгновение заколебалась, но затем выпрямилась и, набравшись смелости, возразила:

— Если вы хотите, чтобы я научилась создавать клики и брать взятки, то я предпочитаю остаться бедняжкой на всю жизнь!

Наложница Чжуан была настолько шокирована, что её глаза округлились. Она не могла поверить, что её покорная дочь осмелилась бросить ей вызов в лицо!

Наложница Чжуан на мгновение потеряла дар речи, её лицо исказилось от гнева, но она сдержала себя, проглотив ярость.

Она знала Цзян Хань: внешне кроткая и мягкая, но если её загнать в угол, она покажет свои

острые клыки!

Это точно кровь рода Цзян — её нельзя провоцировать, она реагирует только на мягкость.

Подумав об этом, наложница Чжуан достала платок, прикрыла рот и мягко рассмеялась:

— Ох, наша Вторая принцесса расстроилась!

Её голос, нежный, как у девушки из Цзяннань, и улыбка, тронувшая уголки губ, сразу же разрядили обстановку. Цзян Хань, только что полная решимости, почувствовала, как её пыл угас, и, стоя на коленях, она лишь шевелила губами, не в силах произнести больше ни слова.

Наложница Чжуан, словно птица, поднялась и подошла к Цзян Хань, помогая ей встать и усаживая рядом с собой, будто никакого конфликта и не было. Она смотрела на дочь с материнской любовью и ласково сказала:

— Сегодня за ужином было слишком много жирного, ты почти ничего не съела. Я заказала вегетарианский ужин, давай поедим вместе.

Цзян Хань, ещё не остывшая от упрёков, отвернулась и холодно ответила:

— Благодарю за заботу.

Наложница Чжуан, видя, что дочь всё ещё в обиде, сжала платок и с ноткой жалобы сказала:

— Какая там забота? Помнишь, когда я была беременна тобой, это был мой первый ребёнок, и я не имела опыта. Чтобы сохранить тебя, я прилагала огромные усилия, но перестаралась, и ты стала слишком крупной, чуть не умерла при родах.

Услышав это, Цзян Хань повернула голову к матери, и гнев в её глазах немного смягчился. Она колебалась, но всё же протянула руку и взяла руку наложницы Чжуан.

Увидев, что дочь смягчилась, наложница Чжуан стала ещё более ласковой и продолжила вспоминать:

— Тогда множество служанок, акушерок и врачей провели со мной целые сутки, чтобы ты появилась на свет.

Я не знаю, откуда у меня тогда взялись силы, но я боролась, чтобы поднять голову и увидеть тебя, боясь, что больше не смогу.

Акушерка поднесла тебя ко мне, и, увидев твоё маленькое красное тельце, я забыла о всей боли, закрыла глаза и уснула, и даже во сне мне было сладко.

После этих слов Цзян Хань уже была на грани слёз, а наложница Чжуан тоже вытерла слёзы платком. Затем она услышала, как Цзян Хань, срывающимся голосом, пообещала:

— Ваша дочь недостойна, но прошу дать мне ещё немного времени. Когда я покину дворец и обустрою своё поместье, я обязательно найду способы разбогатеть и не разочарую вас!

Наложница Чжуан, услышав, что дочь предпочитает заниматься торговлей, а не политикой, внутренне возненавидела её непреклонность, но не стала больше давить, лишь улыбнулась и временно отступила.

Проводив наложницу Чжуан, было уже около полуночи. В центре зала стоял позолоченный благовонный курильщик, от которого поднимался ароматный дым, от чего голова Цзян Хань стала тяжёлой. Она несколько раз прошлась по комнате, а затем, сложив руки за спиной, вышла на улицу.

Ночь была тёмной и густой, в воздухе висел туман, а луна, висевшая в небе, излучала мягкий свет, проникающий сквозь плотную дымку, словно способный развеять все её тревоги.

Сзади послышались шаги служанки Синин, которая несла лёгкий плащ, чтобы накинуть его на плечи Цзян Хань, но та отмахнулась.

Цзян Хань обернулась, её лицо, освещённое лунным светом, было как нефрит, с мягкими чертами. Она покачала головой, давая понять служанке вернуться в дом.

Синин, увидев этот взгляд, замерла, словно впервые заметив, что принцесса выросла. Её четырнадцатилетняя фигура, хоть и оставалась худощавой, уже была на голову выше служанки.

Синин опустила голову, скрывая румянец на лице в темноте, и, держа плащ, тихо удалилась.

Вокруг воцарилась тишина, и Цзян Хань снова посмотрела на луну. Через некоторое время её глаза, похожие на фениксов, расслабились, и она тихо засмеялась, произнеся шёпотом:

*

Не стремясь соперничать с весной,

Позволяя цветам завидовать.

Опадая, превращаясь в пыль,

Лишь аромат останется.

*

Близился май, и рассвет наступал всё раньше.

Гу Шэн сидела в карете по пути в академию, мысленно повторяя текст, который сегодня будет объяснять учитель, и совсем не заметила, что Гу Жао, сидящая напротив, сегодня казалась необычно возбуждённой.

Гу Жао время от времени поглядывала на Гу Шэн, с трудом сдерживая внутреннюю радость.

После отъезда Восьмой принцессы Гу Шэн сблизилась с самой влиятельной сверхранговой императорской аристократкой.

Эта новость, как только распространилась, словно бросила чашку воды в кипящее масло, вызвав бурю в сердцах госпожи Шэн и Гу Жао. Мать и дочь готовы были задушить эту третью сестру Гу, но не знали, как выплеснуть свой гнев.

Именно в этот момент Гу Жао неожиданно повезло: во время танцевальных занятий в школе она случайно получила похвалу от Первого принца, что сразу же привлекло внимание множества молодых аристократов, и её имя быстро разнеслось по Императорской академии.

Вскоре Гу Жао сблизилась с несколькими молодыми людьми из герцогских домов, связанных с Первым принцем, и, пользуясь случаем за чаем после занятий, намекнула, что страдает от притеснений со стороны сводной сестры в доме виконта, даже пустив слезу, что вызвало возмущение молодых людей, поклявшихся отомстить Гу Шэн.

Итак, вчера Гу Жао узнала, что несколько молодых герцогов подкупили уличных слуг, которые, переодевшись в учеников, выяснили распорядок дня Гу Шэн и планировали сегодня устроить ей неприятность.

Гу Шэн ничего не знала о тайных планах Гу Жао и была уверена, что та не осмелится на такое.

Теперь, в глазах окружающих, Гу Шэн уже наполовину вошла в драконье логово. Ведь нередко спутницы императорских аристократов становились их наложницами, и её будущее было неопределённым. Как Гу Жао могла с ней тягаться?

Гу Шэн, как обычно, молча ехала в карете, а после выхода, не глядя по сторонам, направилась в Императорскую академию. Гу Жао, сжав губы, наблюдала за ней, и, расходясь, неожиданно улыбнулась Гу Шэн.

Гу Шэн насторожилась, взглянув на неё, и ответила улыбкой, кивнув на прощание.

Из-за странного поведения Гу Жао Гу Шэн была рассеянна, и даже появление Девятого высочества не вызвало у неё энтузиазма.

К концу первого урока Гу Шэн полностью игнорировала «голодные взгляды» маленькой негодяйки. Сладкое пирожное, которое она специально принесла для неё, уже начало таять.

Девятое высочество была разочарована и даже не хотела грызть свои пальчики, время от времени жалобно бормоча «чан э бу цзюнь» в надежде на похвалу.

Гу Шэн, услышав это неуклюжее подлизывание, наконец очнулась и, покраснев, уставилась на маленькую негодяйку.

Увидев, что «сестрёнка с пирожным» наконец обратила на неё внимание, маленькая негодяйка почувствовала, что небо за окном стало ещё голубее. Она болтала пухлыми ножками, полная ожидания.

Настроение Гу Шэн сразу же улучшилось, и её взгляд притянули светлые глаза, похожие на персиковые цветы. Она невольно протянула руку, чтобы ущипнуть пухлые щёчки малышки.

Девятое высочество уклонилась, наклонив голову, а затем схватила палец Гу Шэн, поднесла к глазам, посмотрела на него и, внезапно подняв взгляд, сквозь мягкие ресницы уставилась на Гу Шэн. Левый уголок её губ слегка приподнялся, и она показала свою стандартную негодяйскую улыбку.